

путь, который необходим для реальности и который в полной мере отстаивался немецким философом-гуманистом К. Ясперсом [5].

Поиск преодоления отчуждения человека в системе европейской культуры. Межлическое общение является исходным пунктом в системе общественного бытия.

Учение К. Ясперса о подлинной коммуникации было призвано противостоять, с одной стороны, диктату тоталитарной идеологии, а с другой – бездуховной и формальной коммуникации в обществе, где отношения оттесняют культуру на задний план. Индивидуализация в свою очередь представляется единственно возможным путём для спасения высокой гуманистической культуры в современном обществе: развитие межлической коммуникации в постсоветское время остро нуждается в собственной гуманистической основе, ориентированной на раскрытие творческого потенциала отдельной личности. Данная тенденция актуализирует философское наследие К. Ясперса.

Литература:

1. Гайдено, П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века / П. П. Гайдено. – М.: Республика, 1997.
2. Добрынина, В. И. Философия XX века: учебное пособие / В. И. Добрынина, В. С. Грехнев, В. В. Добрынин. – М.: ЦИНО общества "Знание" России, 1997.
3. Зотов, А. Ф. Западная философия XX в.: учеб. пособие / А. Ф. Зотов, Ю. К. Мельвиль. – М.: «Проспект», 1998.
4. Зотов, А. Ф. Современная западная философия: учебник / А. Ф. Зотов. – М.: Высш. шк., 2001.
5. Полуяхтова Елена Михайловна. Проблема экзистенциальной коммуникации в учении Карла Ясперса: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 : Екатеринбург, 2003 158 с. РГБ ОД, 61:04-9/365
6. Федосова, У. В. Философско-антропологические основания экзистенциальной концепции субъекта: автореф. дисс. / У. В. Федосова. – Саратов, 2006.

*А. В. Шалаева
СПбГУ, г. Санкт-Петербург
ПГТУ, г. Йошкар-Ола*

ТОПОЛОГИЯ КАК КОНЦЕПТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Рациональность не охватывает человеческого жизнеустройства полностью. Точные науки, построенные по образцу классической рациональности, первые из которых – математика и физика, ограничены пределами области предметной применимости. Во-первых, по теореме Курта Геделя о неполноте формальных систем, наука не может объяснить своего исходного положения, точнее, Гедель доказал, наличие в каждой достаточно формализованной теории

таких утверждений, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть в рамках этой теории. Во-вторых, в науке обнаруживаются противоречия, попытки объяснения которых выявляют лакуны в системе знания. В-третьих, метод науки хорош только по отношению к ее собственному предмету. Наметившийся на рубеже XIX–XX вв. и утвердившийся в середине XX в. кризис естественных наук свидетельствует не об их несостоятельности в целом, но о несостоятельности их методов по отношению к социально-культурной реальности сознания, в частности, к общественным потрясениям, которые принес прошедший век, а также в отношении вновь открываемых явлений окружающего мира. В качестве примера расширения горизонта познания в этом отношении можно в первую очередь сказать об открытии сложной системной организации материи, изменении представлений о делимости материи: это, в частности, открытие делимости атома, повлекшее за собой многие другие открытия, связанные с изучением элементарных частиц². Именно открытие в этой области, на микроуровне, дает возможность полнее понять специфику организации жизненных систем (в том числе, и, особенно, – социальных систем) на макроуровне. Наряду со многими различными попытками разрешения разноуровневых вопросов и кризисов внутри науки, в конце XIX века передовыми математиками и физиками была разработана топология, в качестве раздела науки она была наиболее развернуто утверждена Анри Пуанкаре. Кроме того, в это время конца XIX – XX вв. в свете того же кризиса естественных и математических наук наиболее активно развивается теоретическое, а затем и практическое изучение и применение мифологии.

Как указывает Б. Листинг, «мысль о создании качественной науки о пространственных образованиях наряду с геометрией как наукой количественной была внушена ему самим Гауссом, работавшим в том же Геттингене»³. Можно заметить, что из этого утверждения следует важное положение о топологии как самостоятельной науке. Топология утверждалась как наука, однопорядковая геометрии, но занимающаяся в противоположность последней не количественными измерениями фигур, но качественными. Несмотря на такие высокие притязания топологии на заре ее возникновения (Б. Листинг пишет об этом около 1848 г.), она далее выделилась в область геометрии, а затем математики.

Предпосылки таким образом понимаемой топологии были заложены еще Г.В. Лейбницем, полемизировавшим с И. Ньютоном по вопросам о сущности пространства и времени⁴. В противоположность так называемой субстанциальной концепции (ее поддерживал И. Ньютон), согласно которой пространство и время рассматриваются как особые субстанции, существующие сами по себе, независимо от объектов, Лейбниц разрабатывал концепцию реляционную, где

² Введение в философию: учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 2 / Фролов И.Т., Араб-Оглы Э.А., Арефьева Г.С. и др. – М.: Политиздат, 1989. – С. 49-66.

³ Кольман Э. Предисловие // Листинг И.Б. Предварительные исследования по топологии. М., Л., 1932. С. 14.

⁴ См. об этом: Листинг И.Б. Предварительные исследования по топологии. М., Л., 1932., Введение в философию: Учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 2 / Фролов И.Т., Араб-Оглы Э.А., Арефьева Г.С. и др. – М.: Политиздат, 1989. С. 77-94., Арнольд В. И. Что такое математика? М.: МЦНМО, 2002.

пространство и время предстают как особые отношения между объектами и процессами, а вне их не существуют.

Предмет топологии ясно и наиболее распространенным при ее определении образом указал Феликс Клейн в своей «Эрлангенской программе» (1872): это геометрия инвариантов произвольных непрерывных преобразований, своего рода качественная геометрия. «Основная идея топологии – это отвлечение от положения, величины и формы геометрических фигур: изучаются лишь те их свойства, которые сохраняются при ... непрерывных преобразованиях их...»⁵. Известные примеры топологических преобразований можно наблюдать на так называемых ленте Мебиуса, бутылке Клейна и т. д.

Мы рассмотрели топологию с точки зрения того, какую задачу ей приписывает математика и, уже, геометрия. В своем предельном значении топология выступала в этой области в качестве однопорядковой с геометрией науки, рассматривающей в отличие от нее не количественные, но качественные измерения фигур. Тем не менее, топология известна не только исследователям математических проблем, но о ней говорят и в широком культурном смысле представители различных гуманитарных дисциплин. Как философы, так и другие деятели гуманитарных наук используют ресурс термина «топология» в своих исследованиях, и это «происходит вопреки мнению, что философский ресурс науки уже исчерпан, что опыт ее не продуктивен для понимания постсовременности...»⁶, – таким замечанием В.В. Савчук предваряет свой обзор «истории популярности» термина «топология».

В связи с этим нам необходимо проанализировать те векторы и смыслы, которые вкладываются в термин «топология» в гуманитарной сфере, то есть выявить философский ресурс этого термина. Это может быть полезно в том числе для предприятия топологического анализа мифологического сознания в философском отношении, в рамках дисциплины «онтология и теория познания». В таком контексте неправомерно применять в качестве подхода математическую топологию напрямую, без адаптации к специфике материала, но необходимо осуществить частичный перевод ее с естественно-научного языка на гуманитарный, а прежде рассмотреть специфику и примеры такого перевода.

В.В. Савчук, говоря о топологии, ее основаниях и применимости, вскрывает специфические дисциплинарные подходы к ней в следующих областях знания: нейрофизиологии, литературоведении, географии, физике, математике, теории информации, психологии, философии, обществознании и т. д. Наибольшее внимание уделяется термину в контексте гуманитарных наук. При этом необходимо заметить, что поскольку сам термин «топология» был введен и обоснован в широких научных кругах во второй половине, и особенно в конце XIX века, следует понимать, что его распространение в междисциплинарное пространство началось ближе ко второй половине XX века. Таким образом, именно на рубеже веков, спустя сто лет после обоснования топологии как раздела математики

⁵ Кольман Э. Предисловие // Листинг И.Б. Предварительные исследования по топологии. М., Л., 1932. С. 16.

⁶ Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 131.

(и как наиболее общей геометрии) в интересующей нас области философии и гуманитарных наук обнаруживается и раскрывается ресурс термина «топология».

Яркое свидетельство экспансии продуктивности понятия «топология» – недавно опубликованная книга В.В. Савчука «Топологическая рефлексия». В ней топология получила свое значение в концепте «топологической рефлексии»: «топологическая рефлексия – это рефлексия разумного тела из определенного топоса; она есть результат их состояния, включающего все оттенки взаимодействия: и противостояние, и полемос, и hybris, и сострадание, и сожжение, и многое другое. Топологическая рефлексия не вне места, она всегда уместна»⁷. Уместность топологической рефлексии заключается в том, что она проявляет отказ от трансцендентального субъекта, выражающего всеобщее, «однокачественное» поверх уникальных мест в пользу человека, собираемого уникальным образом здесь и сейчас, как человека архаического, так и современного: «Топологическая рефлексия, создавая образ мира, не измеряет его с абстрактной единицей, для которой равнозначественны, едино- и однообразны все миры, но косвенно сообщает о присутствии, хотя инвариантной, но неметризуемой структуры. Результатом ее являются не идеальные объекты, но концепты, которые есть продукт в равной мере и теоретического самопознания, и познания природы, и художественного обобщения, и эстетического опыта, и экологической и этической ответственности за топос»⁸. А субъект топологической рефлексии постоянно обращается и превращается в «выразителя интересов (идеолога) топоса», причем акт и итог такой рефлексии указывают и обеспечивают процесс непрерывных трансформаций в напряженном диалоге составляющих, актуализируя проблему «соотносимости несоизмеримого» – мысли о мысли, включающей топос мысли⁹. Мы обратимся к развернутой в книге истории интерпретации термина «топология», разобранной наряду с не менее развернутой историей термина «рефлексия» и описанием опыта топологической рефлексии.

Начнем с общеизвестного и уже достаточно распространенного термина «хронотоп», который ввел А.А. Ухтомский, ссылаясь при этом на идеи А. Эйнштейна и Г. Минковского. Под «хронотопом» он понимал «закономерную связь пространственно-временных координат»¹⁰. Хотя А.А. Ухтомский ввел этот термин в контексте своих физиологических исследований, в нем имеется и философский ресурс: «с точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события»¹¹. Хронотоп – специфическое, случившееся соединение пространства и времени, действительное, то, в котором мы живем здесь и сейчас, постоянно: «И траектория электрона в атоме, и траектория Земли в отношении созвездия Геркулеса, и траектория белковой молекулы в сернокислой среде до превращения ее в уголь, и траектория человека через события его жизни до превращения в газы и растворы – все это мировые линии, которые предстоит детерминировать в науке»¹².

⁷ Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 138.

⁸ Там же. С. 153.

⁹ Там же. С. 183.

¹⁰ Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 347.

¹¹ Там же. С. 342.

¹² Ухтомский А.А., Платонова В.А. Эпистолярная хроника. СПб., 2000. С. 185.

В эстетическом отношении понятие «хронотоп» в литературоведении вводит М. М. Бахтин. Его «хронотоп» можно понимать как типологическую или личностную схему всякий раз специфического соединения в осмысленном и конкретном целом пространственных и временных координат, которые дают возможность вхождения субъекта в сферу культурных смыслов. Время раскрывается в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем. Бахтин отличает свое понимание пространства и времени от кантовского, то есть понимания их как трансцендентальных форм чувственности. По его убеждению пространство и время – «формы самой реальной действительности», чью роль автор стремится раскрыть в художественном познании в романном жанре. Система хронотопов как организационных центров смысла, скажем, художественного произведения образуется в процессе смены слияний и разрывов пространства и времени¹³. Необходимо отметить, что именно благодаря работам М.М. Бахтина понятие «хронотоп» стало известным и даже «ходовым» в гуманитарной сфере. Он переносил это понятие в литературоведение не со специальным его смыслом в теории относительности, который, по его убеждению, не важен, но «почти как метафору».

Многие современные теоретики географии и физики, по наблюдению В.В. Савчука, приходят, соответственно, к тому, что пространство не гомогенно, но «каждая точка уникальна» в этом пространстве, имеет «свое лицо»¹⁴, и возникают геометрические (или шире – топологические) модели описания физических процессов, в которых обнаруживаются реальные свойства нелинейности и сингулярности¹⁵. То есть, представители этих наук также стремятся к тому, чтобы яснее и отчетливее истолковать реальную множественность и подчас противоречивость явлений современности, делают попытки к обоснованию и постановке проблем неразрешимости реальных вопросов и задач.

В контексте гуманитарных наук уместно говорить именно о термине, а не о понятии «топология», поскольку «в отечественной гуманитарной литературе термин “топология” употребляется в качестве оператора особенности места, о котором идет речь. Однако его применение далеко от естественнонаучной строгости, которая при экстраполяции на гуманитарный объект утрачивается. ... Топология не покрывается и тем более не сводится к ландшафту, географии и топографии, особенности места. В гуманитарном дискурсе топология отсылает к более строгому значению, которое обретается онтологическим ее прочтением»¹⁶. С онтологическим прочтением топологии возникают сложности, поскольку как ни сложны измерения и исчисления инвариантов математической топологии, онтологические характеристики ее практически невозможно изме-

¹³ Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. : Сб. М.: Худож. лит, 1975. – С. 234-407.

¹⁴ Арманд А.Д. *География через призму дополнителности* // *Вопросы философии*. 2004. № 4. С. 116.

¹⁵ См.: Мандельброт Б. *Фрактальная геометрия природы*. М.: Изд-во Института компьютерных исследований, 2002.

¹⁶ Савчук В.В. *Топологическая рефлексия*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 136.

рять. В этой связи обратимся к К. Хюбнеру, чтобы отметить, как он выделяет свойства топологии в гуманитарной сфере: «Священное и профанное время не совпадают между собой: архэ и брэнные события принадлежат разным, хотя и неразрывно связанным между собой измерениям реальности, и с мифологической точки зрения нет никакой единой топологии времени, с помощью которой можно было бы однозначно определить его направление и порядок, так же как нет и единой метрики, которой все могло бы быть подчинено. Если использовать язык современной математики и физики, то можно сказать, что исторические архэ представляют собой как топологические, так и метрические сингулярности в профанном времени. Они являются топологическими сингулярностями, поскольку порядок и направление времени могут быть в них перевернуты так, что они в качестве прошлого способны оказывать влияние на настоящее без каких-либо промежуточных звеньев; метрическими сингулярностями их делает то обстоятельство, что никакой определенный отрезок длительности не является конститутивным фактором их идентичности»¹⁷.

Среди понятий «архэ» (вновь и вновь воспроизводящего себя в настоящем первособытия), «метрические» и «топологические характеристики» (в данном пассаже они фигурируют как сингулярности), а так же «сакральное» и «профанное» пространство и время нас интересует методологическая позиция топологического и метрического рассмотрения мифологического пространства-времени во взаимосвязи сакрального и профанного порядков. Эта позиция обуславливает возможность существования воспроизводящего себя единства прошлого-настоящего-будущего времени в неизмеримом (сакральном) порядке пространства и времени архэ, а также возможность несовпадения этого события, происходящего в настоящем, с закономерным профанным порядком. Это истолкование топологического в гуманитарных науках приближает нас к топологическому истолкованию мифа, которое проявляется как раз в топологическом анализе природных и исторических архэ. Именно в таком соотношении становится ясно, что исторические (или мифологические) архэ представляют собой топологическую сингулярность, то есть единичность, особенность, не регулярное событие, но индивидуальное, выходящее из упорядоченного ряда событий.

Мифологическое пространство как пространство сакральное (священное) сосуществует с пространством профанным (мирским). События сакральные, вневременные и внепространственные вклиниваются в преходящее и локализованное профанное существование. Это и есть то удивительное событие, которое не поддается описанию и определению с точки зрения повседневной и, в том числе, научной логики, которая при исследовании мифа склонна делать ударение на его иррациональном, непоследовательном, сугубо чувственно ориентированном порядке.

Здесь мы представили возможность использования термина «топология» и топологического анализа как концептов гуманитарных наук для описания специфики мифологического сознания. Конечно, несмотря на то, что мы привели и краткое описание понятия «топология» в математике, где оно изначально воз-

¹⁷ Хюбнер К. *Критика научного разума*. М., 1994. С. 316.

никло и некоторых проблем математической топологии, для исследования мифологического сознания мы склонны использовать этот термин как метафору. Метафорическое применение топологического анализа к мифологическому сознанию заключается в признании и экспликации непрерывности происходящих в пространстве мифологического события трансформаций, в том числе нелинейных временных скачков. Эти трансформации и скачки происходят в так называемом пространстве «топологической сингулярности», то есть в непосредственно переживаемом пространстве единичном, индивидуальном и нерегулярном по отношению к порядку пространства привычного.

Литература:

1. Арманд А.Д. География через призму дополнителности // Вопросы философии. 2004. № 4
2. Арнольд В. И. Что такое математика? М.: МЦНМО, 2002
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Сб. М.: Худож. лит., 1975. – С. 234-407
4. Введение в философию: Учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 2 / Фролов И.Т., Араб-Оглы Э.А., Арефьева Г.С. и др. – М.: Политиздат, 1989
5. Листинг И.Б. Предварительные исследования по топологии. М., Л., 1932
6. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М.: Изд-во Института компьютерных исследований, 2002
7. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012
8. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002
9. Ухтомский А.А., Платонова В.А. Эпистолярная хроника. СПб., 2000
10. Хюбнер К. Критика научного разума. М., 1994

*В. П. Шалаев
ПГТУ, г. Йошкар-Ола*

ГЛОБАЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ: МИР НА ПОРОГЕ НОВОГО ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ (УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФАКТОР)

1. Современная форма глобализации может быть рассмотрена в качестве экономической, политической и культурной пирамиды иерархически конструируемого человечества в его современной истории, сопоставимой по своему масштабу и влиянию с мировыми духовными революциями христианства и ислама, но в материально-ориентированной, потребительской форме.
2. Современная форма глобализации может быть рассмотрена в качестве экономической, политической и культурной воронки современного человечества, сопоставимой с духовными революциями христианства и ислама, но в материально-ориентированной, потребительской форме.

3. Современная форма глобализации может быть рассмотрена в качестве масштабного мирового бизнес проекта западного капитала и политики. Западное производство ради мирового потребления, мировое потребление как условие роста западной прибыли и западного благосостояния. А потому западная форма глобализации это еще и западноцентричный проект развития мира.

4. Современная форма глобализации именно как процесс общественного развития запада за счет остального мира (потребление природных и человеческих ресурсов незападного мира). Это тем самым потребительский проект развития мира в интересах запада.

5. Современная форма глобализации может быть рассмотрена в качестве западофикации мира (уподобление, чтобы подчинить, подчинить, чтобы использовать), как доведение западной системы ценностей и модели организации общественной жизни народов до размерности человечества, то есть превращения мира в соединенные западные штаты мира.

6. Западофикация именно как мировая вестернизация (экономическая, политическая и культурная), в передаче, навязывании, уподоблении и подчинении незападных ресурсов мира для реализации западных геополитических интересов и целей в мире.

7. В ситуации западофикации, западная модель университета может быть рассмотрена в качестве сетевого аттрактора западного влияния на незападный мир и как фабрика фрактального воспроизводства западной цивилизации и культуры в незападном мире, тем самым как продление влияния западной политики на незападный мир культурно-образовательными средствами.

8. Западная сетевая модель университета может быть рассмотрена в качестве фабрики воспроизводства, передачи и распространения западной системы ценностей, мышления, западной системы деятельности, западного стиля жизни во всемирном масштабе, мягкими средствами.

9. Западная система ценностей, западный стиль жизни может быть рассмотрен как саморазрушение в качестве потребительского индивидуализма и эгоизма (жить, чтобы «иметь и обладать», вопреки «быть и альтруизма» – Э.Фромм).

10. Западофикация незападных университетов мира может быть рассмотрена как фактор западного влияния и потенциальная угроза национальной безопасности незападных стран мира (угроза экономике, политике, культуре, образованию, науке и т.д.), с точки зрения падения самостоятельности и самоорганизации незападных стран мира.

11. Западофицированные университеты могут быть рассмотрены в качестве зоны западного влияния, актуальной и перспективной угрозы национальной безопасности России, а значит ее сохранению и устойчивому развитию в мире.

12. Западофицированные незападные университеты как зоны западного влияния, фабрики дешевой образованной интеллектуальной рабочей сила и как социальные трамплины интеллектуального вещества и ноу-хау на запад.

13. Западофицированные университеты мира как угроза национальной безопасности самого запада, в силу роста унификации и разрушения фундаментального образования населения западного и незападного мира.